

Гуманитарное измерение конвенции о «бесшумном оружии»

Валентин А. Романов¹

Рассматривая заключенную четверть века назад (10 апреля 1972 г.) Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, американский аналитик Линн М. Хансен в своей статье «Контроль над оружием из пробирки» писал: «Никому не доставляет удовольствия размышлять о призраке биологической войны. Этот призрак реален, поскольку человек научился использовать биологию для ведения войны против самого себя. К счастью международное сообщество в 1972 г. поставило эти виды оружия вне закона»². И в этом — суть Конвенции.

Биологическое оружие — вне закона

Биологическое оружие было поставлено вне закона не только в том отношении, что перестало быть легитимным, но и в том смысле, что его запасы, с вступлением Конвенции в силу, подлежали уничтожению, а его производство, приобретение раз и навсегда стали запрещенными в международном порядке. Конвенция возложила на каждое участвующее в ней государство обязательство «никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять»:

---

¹ Валентин А. Романов — профессор кафедры международного права МГИМО, чрезвычайный и полномочный посланник, работающий в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, вице-президент Московского независимого института международного права, член редакционной коллегии Московского журнала международного права, бывший директор Отдела прогрессивного развития международного права и его кодификации, Секретариат ООН (1978–1984), автор монографий «Исключение войны из жизни общества» (1961), «Против гонки вооружений и конфронтации на морях» (1989), «Common Ground on Terrorism. Soviet-American Cooperation against the Political Terror» (New York—London, 1991) (в соавторстве), а также многих статей и других публикаций по вопросам международного права и международной политики в отечественных и некоторых иностранных журналах, включая «Terrorism and Political Violence». Участник многих сессий Генеральной Ассамблеи ООН и ее органов, а также целого ряда крупных международных конференций по вопросам международного права, сессий Комиссии международного права ООН.

Статья написана на русском языке.

² Линн М. Хансен. Контроль над оружием из пробирки. — «Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций», том X, номер 1, зима 1986/1987, с. 73.

а) биологические агенты или токсины «таких видов и в таких количествах, которые не имеют назначения для профилактических, защитных или других мирных целей»; б) «оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах»¹. В силу Конвенции каждое государство обязалось уничтожить или переключить на мирные цели все биологическое оружие и средства доставки, имевшиеся у него или находившиеся под его юрисдикцией и контролем.

В Конвенции было выражено убеждение «в важности и неотложности исключения» биологического оружия из arsenалов государств и решимость «ради всего человечества полностью исключить возможность» его использования. Такое использование «противоречило бы совести человечества», подчеркивается в Конвенции. В этих преамбулярных положениях по существу был воспроизведен международно-правовой принцип недопустимости применения биологического оружия, который сформировался ранее. По известному Женевскому протоколу 1925 г. государства согласились распространить предусмотренное им запрещение применения химического оружия «на бактериологические средства ведения войны»². В Конвенции 1972 г. ее участники, признав важное значение Протокола, подтвердили «свою верность» его целям и принципам «и призвали все государства к их строгому соблюдению», оговорив при этом, что никакое положение Конвенции «не должно толковаться как каким-либо образом ограничивающее или умаляющее обязательства», принятые государствами в соответствии с Протоколом.

Не только мера разоружения, но и вклад в международное гуманитарное право — Гагское и Женевское

Конвенция о биологическом оружии была выработана и заключена прежде всего как мера разоружения. Как отмечают исследователи, она явилась «первым всемирным договором в области разоружения»³, первым соглашением, «предусматривающим уничтожение целого класса оружия»⁴, и не просто оружия, а «опасного оружия массового уничтожения», как это определено в самой Конвенции, а ранее Организацией Объединенных Наций. И поскольку речь идет об оружии, способном по самой своей природе и назначению причинять жестокие страдания человеку и не оставляющим возможности, в случае его применения, оградить от его поражающего воздействия гражданское население, есть все основания рассматривать Конвенцию о его запрещении как важный вклад в гуманизацию войны, как составную часть международного гумани-

¹ Здесь и далее текст Конвенции цитируется по сборнику «Международное гуманитарное право в документах». Составители Ю. М. Колосов, И. И. Котляров. М., Издательство Московского независимого института международного права, 1996, с. 445–450.

² Там же, с. 444.

³ 2-я Конференция по рассмотрению действия Конвенции по биологическому оружию. Введение. — «Разоружение...», том X, номер 1, зима 1986/1987, с. 53.

⁴ Оскар Ваэрно. Очередная конференция участников Конвенции о запрещении биологического оружия по рассмотрению действия Конвенции. «Разоружение...», том IX, номер 2, лето 1986, с. 293.

тарного права. Ханс-Петер Гассер называет эту Конвенцию в качестве одного из его источников¹. Жан Пикте, касаясь биологического оружия, которое он относит к категории «варварских способов ведения войны», рассматривает запрет на его применение, содержащийся в Женевском протоколе, в контексте того, что он называет принципами международного гуманитарного права².

Не только разоруженческая, но и гуманитарная значимость Конвенции о запрещении биологического оружия обусловлена самим характером и свойствами этого оружия. Как было констатировано в Специальном докладе Группы экспертов, созданной в 1968 г. при генеральном секретаре по решению Генеральной Ассамблеи ООН, сильнодействующие бактериологические агенты, такие как бактерии, вирусы, грибки и риккетсии, с помощью которых искусственно вызываются чума, холера, сибирская язва, туляремия и другие тяжелые болезни, могут использоваться для поражения людей, животных и сельскохозяйственных культур. В докладе показывается, что в некотором отношении бактериологическое оружие еще опаснее, чем химическое или даже ядерное: если район поражения ядерным оружием, доставленным одним стратегическим бомбардировщиком, составит площадь до 30 кв. км, химическим — до 60 кв. км, то бактериологическим — 100 тыс. кв. км³. Поражать большие площади биологическое оружие позволяет при малом расходе сил и средств; оно вызывает заболевание при попадании в организм даже в ничтожно малых количествах. Стремление создать средства вооруженной борьбы «низкой себестоимости» и высокой эффективности, позволяющие поражать человека без уничтожения материальных ценностей, усилилось в военно-промышленных кругах ряда стран (известно, например, что 500 граммов токсина ботулизма теоретически могут погубить все население Земли⁴).

В свете всех данных такого рода Конвенцию о запрещении биологического оружия можно и нужно отнести к категории Гаагского права, один из изначальных принципов которого нашел свое выражение в Санкт-Петербургской декларации 1868 г., провозгласившей, что «противоречило бы законам гуманности» «использование таких видов оружия», «которые без пользы увеличивают страдания людей или делают их смерть неизбежной»⁵. С тех пор вообще стало общепризнанным, что «население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания», — как это предусмотрено известной оговоркой Мартенса, ставшей неотъемлемой частью международного гуманитарного права и вошедшей как в его Женевскую, так и Гаагскую отрасли.

В целом Конвенция о биологическом оружии может с полным основанием рассматриваться в качестве нормы *jus cogens*, то есть нормы, принятой и при-

¹ Ханс-Петер Гассер. Международное гуманитарное право. Введение. М., Международный Комитет Красного Креста, 1995, с. 18, 21.

² Жан Пикте. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М., Международный Комитет Красного Креста, 1993, с. 72.

³ Абаренков В. П., Красулин Б. П. Разоружение. Справочник. М., 1988, с. 221.

⁴ Жан Пикте, цит. соч., с. 72.

⁵ «Международное гуманитарное право в документах», цит. соч., с. 433.

знаваемой в целом международным сообществом государств, пренебречь которой нельзя, — как сказано в Венской конвенции о праве договоров 1969 г., также предусматривающей, что положения договоров гуманитарного характера, касающиеся защиты человека, являются обязательными¹.

Отношение России и других государств СНГ

Значимость Конвенции о запрещении биологического оружия как важного компонента международного гуманитарного права обусловлена не только содержанием предусмотренных в ней материальных и других обязательств, но и участием в Конвенции подавляющего большинства государств, составляющих международное сообщество. На своей 50-й сессии Генеральная Ассамблея ООН в резолюции, касающейся Конвенции, с удовлетворением отметила, что ее участниками являются более 130 государств. Есть основания полагать, что это число увеличится — в частности, за счет тех государств, которые образовались в результате отделения и разделения ранее существовавших государств, например бывшего СССР, — когда встанет вопрос о правопреемстве образовавшихся независимых государств в отношении международных соглашений по гуманитарному праву, участником которых был Союз ССР, либо о присоединении к ним. Присоединились к этим соглашениям, в которых ранее самостоятельно участвовали, Белоруссия и Украина, также Армения, Грузия, Туркменистан и Узбекистан. Именно это имеется в виду в Соглашении о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов от 24 сентября 1993 г. В этом Соглашении предусмотрено принятие государствами СНГ мер — в том случае, если они еще не участвуют в соответствующих международных договорах, — «для скорейшего оформления правопреемства в отношении международных договоров в области международного гуманитарного права, налагающего обязательства на государства и всех участников вооруженных конфликтов» и обязательство привести «свое национальное законодательство в соответствие с нормами и принципами международного гуманитарного права»². Далее в Соглашении говорится о том, что стороны будут координировать предусмотренную в нем деятельность по защите жертв вооруженных конфликтов, привлекая национальные организации Красного Креста и Красного Полумесяца, Международный Комитет Красного Креста и органы СНГ. Каждая сторона, подчеркивается в Соглашении, примет все необходимые меры для пресечения любых действий, нарушающих международное гуманитарное право, включая применение эффективных мер судебного преследования и наказания к лицам, организовавшим, совершившим или призвавшим совершить деяние, квалифицируемое как военное преступление или преступление против человечности по международному праву и (или) национальному законодательству.

¹ «Действующее международное право», том 1. М., Издательство Московского независимого института международного права, 1996, с. 360.

² Здесь и далее Соглашение цитируется по сборнику «Международное гуманитарное право в документах», с. 553–554.

На Россию, которая, будучи государством — правопреемником прекратившего в 1991 г. свое существование СССР, возложена особая ответственность по выполнению Конвенции о биологическом оружии¹. Ей пришлось радикально пересмотреть политику бывшего СССР в данном вопросе. С этой целью Президентом России в 1992 г. был издан специальный Указ № 390, запретивший осуществление на территории страны биологической наступательной программы².

За противоправные деяния, связанные с биологическим оружием, в России установлена уголовная ответственность. Согласно статье 355 Уголовного кодекса Российской Федерации, введенного в действие с 1 января 1997 г., «производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет». Согласно статье 356 Кодекса «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», «применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет»³. Россия проявила добрую волю к сотрудничеству с другими ведущими государствами — участниками Конвенции о биологическом оружии: США и Англией, являющимися вместе с Россией ее депозитариями. Как указывается в Совместном заявлении по биологическому оружию Великобритании—России—США 15 сентября 1992 г., три правительства подтвердили «свою приверженность полному соблюдению Конвенции о биологическом оружии и заявили о своем согласии о том, что биологическому оружию не место в их вооруженных силах»⁴.

Несовершенства Конвенции и пути их преодоления

Кардинальной важности Конвенции о биологическом оружии соответствует инициированная в ней процедура периодического рассмотрения ее участниками того, как она действует, «чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные в преамбуле, и положения Конвенции... осуществляются».

---

¹ Это, однако, не означает, что бывшему СССР можно предъявлять и необоснованные обвинения в нарушении Конвенции, как это пытались делать в некоторых кругах в связи с имевшей место в 1979 г. вспышкой сибирской язвы в Свердловске (ныне Екатеринбург). Как установила Государственная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия, Свердловская область на протяжении многих столетий была подвержена угрозе заболеваний сибирской язвой, и ее территория считается эндемичной по этому заболеванию. Было доказано наличие почвенных очагов сибирской язвы. Анализ динамики заболеваемости показал, что вспышка продолжалась почти полтора месяца; обсемененными возбудителем оказались пробы комбикормов для скота, мясо и мясные продукты, принадлежавшие некоторым жителям; штаммы возбудителя, выделенные в этих случаях, а также от заболевших людей, оказались идентичными. Никакого отношения к работам, осуществлявшимся военным центром, разрабатывавшим вакцинные препараты против сибирской язвы, ее вспышка в Свердловске в 1979 г. не имела и не могла иметь.

² «Россия: в поисках стратегии безопасности. Проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчества». М., «Наука», с. 114.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации, 1997.

⁴ Дипломатический вестник, 1992, № 19–20, с. 27.

Со времени, когда истекли первые пять лет после ее вступления в силу в 1975 г., состоялось четыре таких конференции (в 1980, 1986, 1991 и 1996 г.), а также одна специальная конференция в 1994 г. Вопрос о Конвенции регулярно рассматривается также Генеральной Ассамблеей ООН.

Оснований для проявления такого рода озабоченности выполнением Конвенции более чем достаточно. Разработанная в период «холодной войны» Конвенция страдает немалыми дефектами. Как отмечает российский исследователь А. Н. Калядин, «в ней не предусмотрена международная проверка уничтожения запасов БО, средств его доставки, соответствующего оборудования и их конверсии на мирные цели. Ее участники даже не обязаны уведомлять друг друга о том, ликвидировали ли они эти запасы и когда именно. В Конвенции отсутствуют положения об эффективном контроле. Нет даже упоминания об инспекции биологических объектов. Обеспечение соблюдения обязательств, принятых по Конвенции, должно осуществляться главным образом посредством мер национального контроля (то есть самоконтроля). Вся система обеспечения соблюдения Конвенции основана скорее на доверии, чем на международном надзоре. Не предусмотрены в ней и ясно выраженные санкции в отношении государств-нарушителей»¹. С 1980 г. стало увеличиваться число односторонних обвинений в нарушении Конвенции, и вопрос о том, что делать, если попытки решить проблемы на двусторонней основе остаются безуспешными, стал крайне насущным.

На состоявшихся конференциях по рассмотрению действия Конвенции был принят ряд решений, в совокупности направленных на усиление эффективности Конвенции и совершенствование ее применения — без ее официального пересмотра. Следует при этом, однако, подчеркнуть, что, как свидетельствует Заключительная декларация 4-й Конференции, главным ее итогом явилось то, что была подтверждена жизнеспособность Конвенции. Конференция, в частности, подчеркнула принципиальную важность полного соблюдения всеми государствами всех положений Конвенции. Вместе с тем каких-либо конкретных случаев несоблюдения Конвенции в Заключительной декларации не отмечено. Участники конференции с интересом восприняли информацию делегации России о мерах, принятых в стране за последние пять лет с целью исключить саму возможность проведения на российской территории деятельности в нарушение Конвенции.

Суммируя решения упомянутых конференций, можно выделить следующие основные моменты.

1. Учитывая выявившиеся со времени вступления Конвенции в силу научно-технические достижения в области микробиологии, геной инженерии, биотехнологии, конференции исходили из того, что статья 1 Конвенции, содержащая общее запрещение биологического оружия, распространяется на все такие достижения.
2. В связи со статьей 5, предусматривающей обязательство государств-участников «консультироваться и сотрудничать друг с другом в решении любых

---

¹ «Россия: в поисках стратегии безопасности...», цит. соч., с. 112.

вопросов, которые могут возникнуть в отношении цели или в связи с выполнением положений Конвенции», на конференциях была достигнута принципиальная договоренность о том, что сюда входит право любого государства-участника просить создать на уровне экспертов консультативную встречу, открытую для всех других участников; при этом консультации и сотрудничество могут осуществляться в рамках ООН и в соответствии с ее Уставом.

3. По статьям 6 и 7 Конвенции, предусматривающим подачу государством-участником жалоб на нарушение обязательств по Конвенции в Совет Безопасности ООН и обязывающим участников сотрудничать в проведении Советом любых расследований, ряд решений был принят также и в рамках упомянутой выше Специальной конференции, созванной по решению Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 37/98 С от 13 декабря 1982 г.) на базе доклада Специальной группы правительственных экспертов, учрежденной для определения и изучения потенциальных мер проверки с научной и технической точки зрения. Группа выработала 21 такую меру и некоторые вариации их возможных комбинаций для установления различия между запрещенной и разрешенной деятельностью (так называемый доклад ВЕРЕКС). В итоге была учреждена Специальная группа, открытая для всех государств — участников Конвенции, для рассмотрения соответствующих мер ее укрепления, включая возможные меры проверки и подготовки предложений для включения их в юридически обязывающий документ, который был бы представлен на рассмотрение государствам-участникам. Был признан сложный характер вопросов, связанных с укреплением Конвенции, обуславливающий необходимость постепенного подхода к установлению согласованного режима ее выполнения. Были выдвинуты различные предложения. В частности, делегации восточноевропейских стран предлагали выработать дополнительный протокол, содержащий меры по укреплению механизма контроля. В менее категорической форме близкие к этому идеи были высказаны в исследовании, подготовленном под эгидой Международного института по изучению проблем мира в Стокгольме (СИПРИ), рекомендовавшем уточнить недостаточно четкие положения Конвенции в заявлениях о понимании и, если возможно, в дополнительных протоколах¹.
4. Были предусмотрены шаги по увеличению транспарентности биотехнологической деятельности: государства-участники взяли на себя ответственность по обмену данными, включая названия, места расположения, объем и общее направление деятельности исследовательских центров. В этой связи следует отметить, что Россия ежегодно представляет генеральному секретарю ООН данные о биологической деятельности, используя достаточно детальные форматы подготовки такой информации, включающие площадь лабораторных помещений, численность и квалификацию сотрудников, источники финансирования и т. д.

¹ Вилфрид Ланг. Анализ режима, связанного с биологическим оружием. — «Разоружение...», том X, номер 1, зима 1986/1987, с. 56, 57.

Выступая за дальнейшее изучение потенциальных мер проверки, российские специалисты, как отмечает упоминавшийся выше А. Н. Калядин, «полагают, что при этом задача не ограничивается лишь созданием эффективного контрольного механизма, а включает в себя необходимость, с одной стороны, эффективного использования экономических и технических ресурсов в интересах проверки, а с другой — ненанесение ущерба деятельности, не запрещаемой Конвенцией. По их мнению, наиболее оптимальными элементами такого механизма являются объявления и уведомления о биологической деятельности, проверка документации и интервьюирование персонала на соответствующих объектах, визуальные инспекции и идентификация оборудования и медицинский осмотр»¹.

В. Ланг, профессор международного права и международных отношений в Венском университете, являвшийся председателем 2-й Конференции по рассмотрению действия Конвенции, анализируя ее результаты, писал о масштабах и характере «новых политических обязательств, взятых на себя государствами-участниками»². Подобным же образом — как решения, налагающие политические обязательства, — можно оценивать и положения деклараций, касающиеся существа Конвенции, принятых на 1-й, 3-й и 4-й Конференциях.

Не имеющие, естественно, сами по себе характера международного соглашения, но принятые на предусмотренном таким соглашением форуме, — им является Конференция государств — участников Конвенции о биологическом оружии, эти политические обязательства могут трактоваться и как результат толкования положений Конвенции, — о юридической значимости текстов, являющихся «продуктом» толкования, Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров многозначительно умалчивает, — и как результат новации положений Конвенции, что не может не придавать им и международно-правовой значимости актов *sui generis*. В совокупности с положениями Конвенции подобные политические обязательства создают то, что можно было бы называть режимом Конвенции, вне которого немислимо ее функционирование как международно-правового акта, как немислимо и проведение в жизнь предусмотренных ею обязательств и прав.

Влияние Конвенции о запрещении химического оружия

Еще десять лет назад Конвенция о биологическом оружии была «единственным обязательным международным соглашением, которое фактически запрещает конкретную систему оружия»³. Теперь это «одиночество» преодолено, особенно с заключением в 1993 г. Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, известной как Конвенция о запрещении химического оружия, работа над которой первоначально сопрягалась с разработкой Конвенции о биологи-

¹ «Россия: в поисках стратегии безопасности...», цит. соч., с. 11.

² Вилфрид Ланг, цит. соч., с. 60.

³ Хорхе Морельи Пандо. Итоги 2-й Конференции по рассмотрению действия Конвенции. — «Разоружение...», том X, номер 1, зима 1986/1987, с. 72.

ческом оружии. Это нашло свое отражение и в статье 9 Конвенции о биологическом оружии, подтвердившей признанную цель эффективного запрещения химического оружия и обязательство продолжать переговоры для достижения соответствующего соглашения. В преамбуле Конвенции о химическом оружии, в свою очередь, подчеркивается, что она «вновь подтверждает принципы и цели, а также взятые обязательства» по Конвенции о биологическом оружии, и делается ссылка на цель, закрепленную в упомянутой выше статье этой Конвенции. Таким образом, между двумя конвенциями была закреплена известная взаимосвязанность, поскольку обе касаются оружия массового уничтожения — двух его соответственных видов.

В условиях такой взаимосвязанности особую значимость приобретает более разработанная в Конвенции о химическом оружии система ее имплементации, включая механизм контроля, проверки на месте, что не может не наводить на мысль о том, нет ли в этой системе элементов, которые могли бы быть предметом рецепции, в соответствующих случаях *mutatis mutandis*, применительно к Конвенции о биологическом оружии. Речь не идет, разумеется, о каком-либо механическом заимствовании урегулирований и об их перенесении в сферу биологического оружия. Первым практическим шагом, обусловленным своего рода «родством» двух конвенций, могло бы быть решение Генеральной Ассамблеи ООН, занимающейся вопросами Конвенции о биологическом оружии, уполномочивающее генерального секретаря, возможно, при помощи группы правительственных экспертов, подготовить сравнительный анализ систем имплементации двух конвенций, включая меры международного отслеживания и проверки выполнения обязательств. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы прибегнуть к тому самому методу изначальной постановки проблемы, который был применен по решению Генеральной Ассамблеи ООН при подготовке уже упоминавшегося специального доклада о возможных последствиях применения химического и бактериологического оружия, которым занялась международная группа экспертов (из 14 стран), созданная при генеральном секретаре ООН. Доклад предлагаемой группы мог бы быть разослан на отзыв государствам — участникам Конвенции о биологическом оружии, а затем вместе с замечаниями правительств представлен на рассмотрение очередной конференции по рассмотрению действия Конвенции о биологическом оружии с целью выработки соответствующих рекомендаций.

В целом линия на укрепление Конвенции, ставящей вне закона биологическое оружие, соответствует интересам возвышения международного гуманитарного права как важнейшего достижения и компонента цивилизации и его поступательного распространения на все районы мира.